

В Англии все величественно, даже дурное, даже олигархия. Английский патрициат — патрициат в полном смысле этого слова. Нигде не существовало феодального строя более блестящего, более жестокого и более живучего, чем в Англии. Правда, в свое время он был полезен. Именно в Англии надо изучать феодальное право, подобно тому как королевскую власть надо изучать во Франции.

Книгу эту, собственно, следовало бы озаглавить «Аристократия». Другую книгу, которая явится ее продолжением, можно будет назвать «Монархия». Обе они, если только автору суждено завершить этот труд, послужат введением в третью, которая замкнет собой весь цикл и будет озаглавлена «Девяносто третий год».

Отвиль-Хауз, апрель 1869 г.

ЧАСТЬ I

МОРЕ И НОЧЬ

ДВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ГЛАВЫ

I. УРСУС

II. КОМПРАЧИКОСЫ

I

УРСУС

1

Урсус и Гомо были связаны узами тесной дружбы. Урсус был человек, Гомо — волк¹. Нравом они очень подходили друг к другу. Человек окрестил волка. Вероятно, он же придумал и свое прозвище; найдя для себя подходящим имя «Урсус», он счел имя «Гомо» вполне подходящим для зверя. Содружество человека и волка пользовалось успехом на ярмарках, на приходских праздниках, на уличных перекрестках, где толпятся прохожие; толпа всегда рада послушать балагура и закупить всяких шарлатанских снадобий. Ей нравился ручной волк, ловко, без принуждения исполнявший приказания своего хозяина. Это большое удовольствие — видеть укрощенного строптивца, и нет ничего приятней, чем наблюдать все разновидности дрессировки. Вот почему бывает так много зрителей на пути следования королевских кортежей.

Урсус и Гомо переходили с перекрестка на перекресток, с площадей Абериствита на площади Джедбурга, из одной местности в другую, из графства в графство, из города в город. Исчерпав все возможности на одной ярмарке, они отправлялись на другую. Урсус жил в балагане на колесах, который Гомо, достаточно вышколенный для этого, возил днем и стерег ночью. Когда дорога становилась трудной из-за рытвин, грязи или при подъемах в гору, человек впрягался в лямку и по-братски, бок о бок с волком, тащил возок. Так они вместе и состарились.

На ночлег они располагались где придется: среди невспаханного поля, на лесной прогалине, у скрещения нескольких дорог,

¹ *Урсус* — медведь, *Гомо* — человек (лат.).

у деревенской околицы, у городских ворот, на рыночной площади, в местах народных гуляний, на окраине парка, на церковной паперти. Когда возок останавливался на какой-нибудь ярмарочной площади, когда с разинутыми ртами сбегались кумушки и вокруг балагана собирался кружок зевак, Урсус принимался разглагольствовать, и Гомо с явным одобрением слушал его. Затем волк учтиво обходил присутствующих с деревянной чашкой в зубах. Так зарабатывали они себе на пропитание. Волк был образован, человек тоже. Волк был научен человеком, а может быть, научился сам всяким волчьим фокусам, которые повышали сбор.

— Главное, не выродись в человека, — дружески говаривал ему хозяин.

Волк никогда не кусался, с человеком же это порою случалось. Во всяком случае, Урсус имел поползновение кусаться. Урсус был мизантроп и, чтобы подчеркнуть свою ненависть к человечеству, сделался фигляром. Да и надо же было как-нибудь прокормиться, ибо желудок неизменно предъявляет свои права. Кроме того, желая проявить себя, а быть может, и погубить, этот мизантроп и скоморох стал лекарем. Да что там лекарем! Урсус был еще и чревовещателем. Он умел говорить, не шевеля губами. Он мог ввести в заблуждение окружающих, с изумительной точностью копируя голос и интонации любого из них. Он один подражал гулу целой толпы, что давало ему право на звание «энгастримита». Он так себя и величал. Урсус воспроизводил птичьи голоса: голос певчего дрозда, чирка, жаворонка, белогрудого дрозда — таких же скитальцев, как и он; благодаря этому своему таланту он мог по желанию в любую минуту вызвать у вас впечатление то площади, гудящей народом, то луга, оглашаемого мычанием стада; порою он бывал грозен, как рокочущая толпа, порою детски безмятежен, как утренняя заря. Такое дарование хотя и редко, но все же встречается. В прошедшем столетии некто Тузель, подражавший слитному гулу людских и звериных голосов и воспроизводивший крики всех животных, состоял при Бюффоне¹ в качестве человека-зверинца. Урсус был проникателен, крайне своеобразен и любознателен. Он питал склонность ко всяким рассказам, которые мы называем баснями, и притворялся, буд-

¹ Жорж Луи Леклерк, граф де Бюффон (1707–1788) — французский натуралист, математик, естествоиспытатель и писатель XVIII века.

то сам верит им, — обычная хитрость лукавого шарлатана. Он гадал по руке, по раскрытой наудачу книге, предсказывал судьбу, объяснял приметы, уверял, что встретить черную кобылу — к несчастью, но что еще опаснее услышать, когда ты уже совсем готов в дорогу, вопрос: «Куда собрался?» — и называл себя «продавцом суеверий». «Я этого не скрываю, — говорил он, — вот в чем разница между архиепископом Кентерберийским и мной». Архиепископ, справедливо возмущенный этими словами, однажды вызвал его к себе. Однако Урсус искусно обезоружил его высокопреосвященство, прочитав собственного сочинения проповедь на день Рождества Христова, которая так понравилась архиепископу, что он выучил ее наизусть, произнес в храме и велел напечатать как свое произведение. За это он даровал Урсусу прощение.

Благодаря своему искусству врачавателя, а может быть, и вопреки ему, Урсус исцелял больных. Он лечил ароматическими веществами. Хорошо разбираясь в лекарственных травах, он умело пользовался огромными целебными силами, заключенными во множестве всеми пренебрегаемых растений: в гордовине, в белой и вечнозеленой крушине, в черной калине, бородавнике, в рамене; он лечил от чахотки росянкой; пользовался, по мере надобности, листьями молочая, которые, будучи сорваны у корня, действуют как слабительное, а сорванные у верхушки — как рвотное; исцелял горловые болезни при помощи наростов растения, именуемого «заячьим ушком»; знал, каким тростником можно вылечить быка и какой разновидностью мяты можно поставить на ноги больную лошадь; знал все ценные, благотворные свойства мандрагоры, которая, как всем известно, является растением двуполым. У него были лекарства на разные случаи. Ожоги он исцелял кожей саламандры, из которой у Нерона, по словам Плиния¹, была сделана салфетка. Урсус пользовался ретортой и колбой; он сам производил перегонку и сам же продавал универсальные снадобья. Ходили слухи, будто он даже сидел в сумасшедшем доме; ему оказали честь, приняв его за умалишенного, но вскоре выпустили на свободу, убедившись, что он всего-навсего поэт. Возможно, этого и не было: каждый из нас бывал жертвой подобных рассказней.

¹ *Нерон* (37–68 н. э.) — римский император с 54 года.

Плиний Старший (между 22 и 24–79 н. э.) — древнеримский писатель, автор «Естественной истории».

В действительности Урсус был грамотеем, любителем прекрасного и сочинителем латинских виршей. Он обладал знаниями в двух областях, ибо шел по стопам и Гиппократ¹, и Пиндара². В знании поэтического ремесла он мог бы состязаться с Рапеном и с Видой³. Он мог бы сочинять иезуитские трагедии не менее удачно, чем отец Бугур. Благодаря близкому знакомству с прославленными ритмами и размерами древних Урсус в своем обыходе пользовался ему одному свойственными образными выражениями и целым рядом классических метафор. О матери, впереди которой шествовали две дочери, он говорил: «Это дактиль»; об отце, за которым шли два его сына: «Это анапест»; о внуке, шагавшем между дедом и бабушкой: «Это амфимакр». При таком обилии знаний можно жить только впроголодь. Салернская школа³ рекомендует: «Ешьте мало, но часто». Урсус ел мало и редко, выполняя таким образом лишь первую половину предписания и пренебрегая второй. Но это уж была вина публики, которая собиралась не каждый день и покупала не слишком часто. Урсус говорил: «Отхаркнешься поучительным изречением — станет легче. Волк находит утешение в вое, баран — в теплой шерсти, лес — в малиновке, женщина — в любви, философ же — в поучительном изречении». Урсус по мере надобности кропал комедии, которые сам же с грехом пополам и разыгрывал: это помогало продавать снадобья. В числе других творений он сочинил героическую пастораль в честь рыцаря Хью Миддлтона, который в 1608 году провел в Лондон речку. Эта речка спокойно протекала в шестидесяти милях от Лондона, в графстве Гартфорд; явился рыцарь Миддлтон и завладел ею; он привел с собою шестьсот человек, вооруженных заступами и мотыгами, стал рыть землю, понижая грунт в одном месте, повышая в другом, иногда подымая речку на двадцать футов, иногда углубляя ее русло на тридцать футов, соорудил из дерева наземные водопроводы, постро-

¹ *Гиппократ* (ок. 460 — ок. 370 до н. э.) — древнегреческий целитель, врач и философ.

Пиндар (522/518–448/438 до н. э.) — один из известнейших поэтов Древней Греции.

² *Николя Рапен* (1535–1608) — французский поэт.

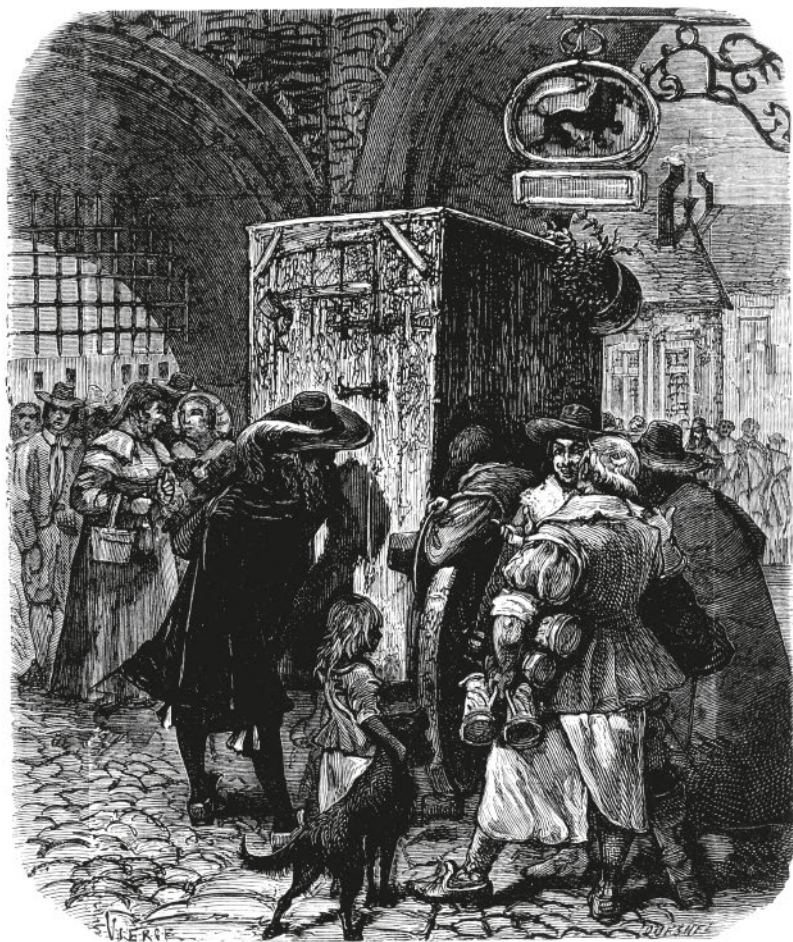
Марк Иероним Вида (ок. 1490–1566) — итальянский поэт, епископ города Альбы.

³ *Салернская врачебная школа* — возникшая в IX веке в итальянском городе Салерно медицинская школа.

ил восемьсот мостов, каменных, кирпичных и бревенчатых, и вот в одно прекрасное утро речка вступила в пределы Лондона, который испытывал в то время недостаток в воде. Урсус преобразил эти прозаические подробности в прелестную буколическую сцену между Темзой и речкой Серпентайн. Мощный поток приглашает к себе речку, предлагая ей разделить с ним ложе. «Я слишком стар, — говорит он, — чтобы нравиться женщинам, но достаточно богат, чтобы оплачивать их». Это был остроумный и галантный намек на то, что сэр Хью Миддлтон произвел все работы за свой счет.

Урсус мастерски владел монологом. Будучи нелюдимым и вместе с тем словоохотливым, не желая никого видеть, но испытывая потребность поговорить с кем-нибудь, он выходил из затруднения, беседуя сам с собою. Кто жил в уединении, тот знает, до какой степени человеческой природе свойствен монолог. Слово, звучащее внутри нас, вызывает своего рода зуд. Обращаясь в пространство, мы как бы открываем предохранительный клапан. Разговор вслух наедине с собой производит впечатление диалога с Богом, которого мы носим в себе. Таково, как всем известно, было обыкновение Сократа. Он произносил речи перед самим собой. Точно так же поступал и Лютер. Урсус брал пример с этих великих мужей. Он обладал способностью раздваиваться, становясь своей собственной аудиторией. Он задавал себе вопросы и сам отвечал на них; он то превозносил себя, то осыпал оскорблениями. С улицы слышно было, как он один ораторствует в своем возке. Прохожие, у которых есть свое мерило для оценки незаурядных людей, говорили: «Вот идиот!» По временам, как мы только что сказали, Урсус бранил самого себя, но бывали минуты, когда он отдавал себе должное. Как-то в одной из таких кратких речей он с гордостью воскликнул: «Я изучил растение во всех его тайнах, я изучил стебель, почку, чашелистики, лепесток, тычинку, завязь, семяпочку, бурачок, спорангий и апотеций. Я постиг хромацию, осмосию и химосию — иными словами, образование цвета, запаха и вкуса». В этом аттестате, который Урсус выдавал Урсусу, была, несомненно, некая доля бахвальства, но пусть первый бросит в него камнем тот, кто не постиг хромации, осмосии и химосии.

К счастью, Урсус никогда не бывал в Нидерландах. Там его, без сомнения, взвесили бы, чтобы определить, обладает ли он долж-

ным весом, избыток или недостаток которого свидетельствует о том, что человек — колдун. В Голландии этот должный вес был мудро установлен законом. Это было удивительно просто и остроумно. Вас клали на чашу весов — и все сразу становилось ясным: если вы оказывались слишком тяжелым, вас вешали, если слишком легким — сжигали. Еще и теперь можно видеть в Аудеватере весы для взвешивания колдунов, но в наши дни на этих весах взвешивают сыр, — вот как выродилась религия! Тощему Урсусу, пожалуй, не поздоровилось бы от такого взвешивания.

В своих странствиях он избегал Голландии — и хорошо делал. Впрочем, он, по-видимому, не покидал пределов Англии.

Как бы то ни было, Урсус, человек очень бедный и притом сурового нрава, завязав в лесу знакомство с Гомо, почувствовал влечение к бродяжничеству. Он взял волка себе в товарищи и стал скитаться с ним по дорогам, живя на вольном воздухе жизнью, полной неожиданностей. Урсус был человеком изобретательным, себе на уме, весьма искусным во врачебном деле и великим мастером на всякие фокусы. Он пользовался славой хорошего лекаря и хорошего фигляра; само собою разумеется, что его считали и чародеем, но лишь отчасти, ибо прослыть приятелем черта было в ту пору небезопасно. Говоря по правде, Урсус своим пристрастием к фармакопее и лекарственным растениям мог навлечь на себя подозрение, так как часто уходил собирать травы в угрюмые, непролазные чащи, где произрастает салат Люцифера и где, как это установил советник д'Анкр, рискуешь встретить в вечернем тумане вышедшего из-под земли человека, «кривого на правый глаз, без плаща, со шпагой на боку и совершенно босого». Но при всех странностях своего характера Урсус был слишком добропорядочным, чтобы насыпать град, вызывать привидения, вихрем пляски замучить человека насмерть, внушать безмятежные или, напротив, печальные и полные ужасов сны и заклинаниями выводить из яиц четырехкрылых петухов, — подобных проделок за ним не водилось. Он был не способен на такие мерзости, как, например, говорить по-немецки, по-древнееврейски или по-гречески, не изучив этих языков, что является признаком либо гнусного коварства, либо природной болезни, вызываемой меланхолией. Если Урсус изъяснялся по-латыни, то только потому, что знал ее. Он не позволил бы себе говорить по-сирийски, так как не знал этого языка; кроме того, доказано, что сирийский язык — язык ведьм. В медицине Урсус не без основания отдавал предпочтение Галену перед Кардано¹, ибо Кардано, при всей своей учености, жалкий червь по сравнению с Галеном.

В общем, Урсус не принадлежал к числу лиц, которых часто тревожит полиция. Его возок был достаточно длинен и широк, чтобы он мог лежать в нем на сундуке, хранившем его не слиш-

¹ *Гален* (129 — ок. 216) — древнеримский медик и философ греческого происхождения.

Джероламо Кардано (1501–1576) — итальянский математик, философ и врач.

ком роскошные пожитки. Он был обладателем фонаря, нескольких париков, кое-какой утвари, развешенной на гвоздях, а также музыкальных инструментов. Кроме того, у него была медвежья шкура, которую он напяливал на себя в дни больших представлений; он называл это «облачаться в парадный костюм». «У меня две шкуры; вот эта — настоящая», — говорил он и указывал на медвежью шкуру. Передвижной балаган принадлежал ему и волку. Кроме возка, реторты и волка, у него были флейта и виола да гамба, на которых он неплохо играл. Он сам изготовлял эликсиры. Все эти таланты иногда давали ему возможность поужинать. В потолке его лачуги было отверстие, через которое проходила труба чугунной печки, стоявшей почти вплотную к сундуку, так что деревянная стенка его даже слегка обуглилась. В печке было два отделения: в одном из них Урсус варил свои специи, в другом — картошку. По ночам волк, дружеской рукой посаженный на цепь, спал под возком. Гомо был черен, Урсус сед; Урсусу было лет пятьдесят, если не все шестьдесят. Его покорность человеческой судьбе была такова, что он, как выше упомянуто, питался картофелем, который в ту пору считался поганой пищей, годной лишь для свиней да каторжников. Он ел его, негодуя, но подчиняясь своей участи. Ростом он был невысок, но казался долговязым. Он горбился и был всегда задумчив. Согбенная спина старика — это груз прожитых лет. Урсусу на роду было написано быть печальным. Ему стоило труда улыбнуться и никогда не удавалось заплакать. Он не умел находить утешение в слезах и временное облегчение в веселье. Старик — это не что иное, как мыслящая развалина. Урсус и был такой развалиной. Краснобайство шарлатана, худоба пророка, воспламеняемость заряженной мины — таков был Урсус. В молодости он жил в качестве философа у одного лорда.

Все это происходило сто восемьдесят лет назад, в те времена, когда люди были немного более волками, чем в наши дни.

Впрочем, не намного.

2

Гомо не был обыкновенным волком. Судя по тому, как он набрасывался на кизил и на яблоки, его можно было принять за степного волка; темной окраской шерсти он походил на гиену,

а воем, постепенно переходившим в лай, напоминал чилийскую дикую собаку, но глаза этого животного еще недостаточно изучены, и, может быть, оно есть лишь разновидность лисицы, между тем как Гомо был настоящим волком. Длина его равнялась пяти футам, а это немалый рост для волка даже в Литве; он был очень силен; смотрел он исподлобья, но это нельзя было ставить ему в вину; язык у него был мягкий, и он иногда лизал Урсуса; по спинному хребту у него щетинилась узкая полоска короткой шерсти; он был тощ, но это была здоровая худоба лесного зверя. До своего знакомства с Урсусом, когда ему не приходилось еще таскать возок, он без труда пробежал по сорок лье за ночь. Урсус, натолкнувшись на волка в чаще на берегу ручья, проникся к нему уважением, увидев, как он умно и осторожно ловит раков, и с удовлетворением признал в нем отличный экземпляр подлинного гвианского волка — купара, из породы так называемых собак-ракоедов.

Урсус предпочитал Гомо ослу в качестве вьючного животного. Ему было бы неприятно заставлять осла тащить возок; он слишком уважал это животное. К тому же он заметил, что осел, этот непонятый людьми четвероногий мечтатель, имеет неприятное обыкновение настораживать уши, когда философы изрекают какие-нибудь глупости. Между нами и нашей мыслью осел оказывается, таким образом, лишним свидетелем, а это стеснительно. В качестве друга Урсус предпочитал Гомо и собаке, так как полагал, что волку дружба с человеком дается труднее.

Вот почему Урсус довольствовался обществом Гомо. Гомо был для него больше чем другом — он был его подобием. Похлопывая волка по впалым бокам, Урсус говорил: «Я нашел свое второе издание».

Еще он говорил: «Когда я умру, всякому, кто пожелает получить представление обо мне, надо будет только изучить Гомо. Я оставляю его потомству в качестве моей вернейшей копии».

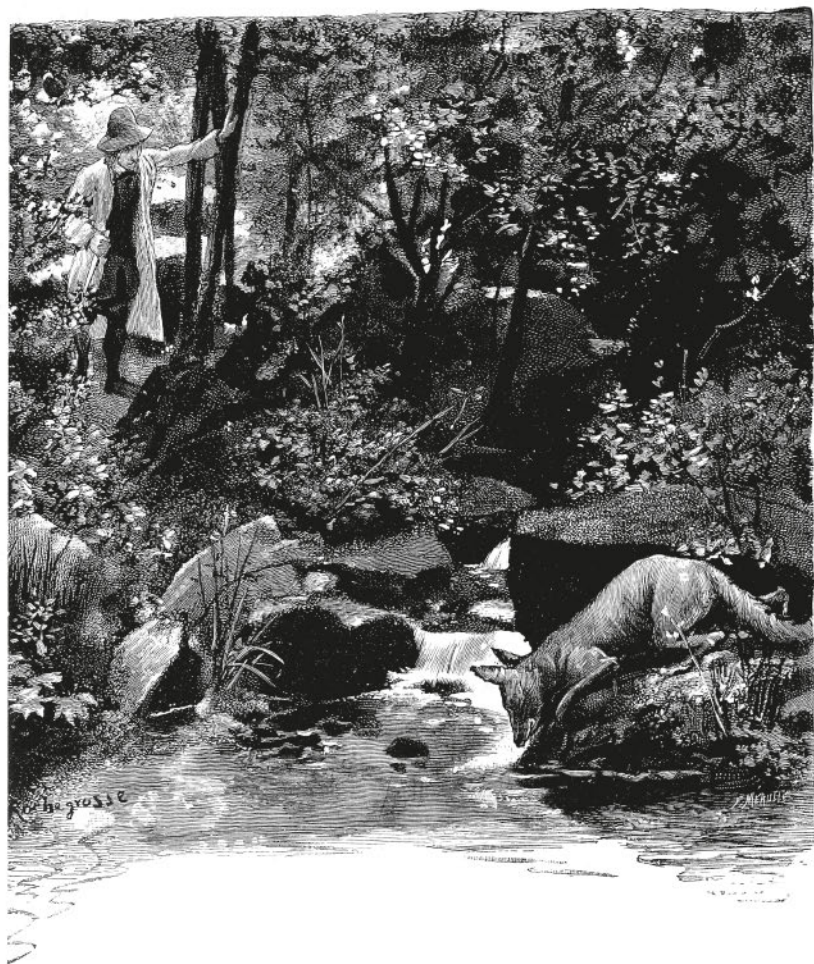
Английский закон, не слишком мягкий по отношению к хищным зверям, мог бы придаться к этому волку и притянуть его к ответу за смелость, с которой он свободно появлялся в городах; но Гомо пользовался неприкосновенностью, дарованной домашним животным одним из статутов Эдуарда IV. «Любое домашнее животное, — гласит этот статут, — может следовать куда угодно за своим хозяином». Кроме того, некоторое ослабление строго-

ДВЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ГЛАВЫ

стей по отношению к волкам явилось результатом моды, распространившейся при последних Стюартах среди придворных дам, которые заводили вместо собак маленьких песцов, величиной с кошку, выписывая их за большие деньги из Азии.

Урсус передал Гомо часть своих талантов: научил его стоять по-человечьи, умерять свой гнев, заменяя его хмуростью, издавать глухое ворчанье вместо воя и так далее. А волк передал человеку часть волчьих познаний, научив его обходиться без крова, без хлеба, без огня и предпочитать голод в лесу рабству во дворце.

Возок Урсуса, своеобразная передвижная хижина, следовал в самых разных направлениях, не выходя, однако, за пределы

Англии и Шотландии; он был установлен на четырех колесах и снабжен оглоблями для волка и лямкой для человека. Лямкой пользовались только при плохой дороге. Балаган был крепок, хотя и сколочен из тонких досок, обычно идущих на перегородки. Спереди у него была стеклянная дверь с маленьким балконом, своего рода кафедрой или трибуной, с которой Урсус произносил речи, сзади — глухая дверь с форточкой. Для входа в балаган, тщательно запиравшийся на ночь засовами и замками, служила откидная подножка в три ступеньки, прилаженная на шарнирах к внутренней стороне задней двери. Немало дождей и снега перевидал возок на своем веку. Когда-то он был окрашен, но теперь уже нельзя было установить, в какой именно цвет, ибо перемена погоды действует на дорожные возки точно так же, как смена царствований на придворных. Снаружи на стенке возка когда-то можно было разобрать надпись черными буквами по белому полю, постепенно расплывшуюся и стершуюся:

«Золото теряет ежегодно при переходе из рук в руки одна тысяча четырехсотую часть своего объема; это называется потерей в весе монеты; отсюда следует, что из миллиарда четырехсот миллионов золотом, находящихся в обращении на всем земном шаре, ежегодно пропадает один миллион. Это золото расплывается, улетучивается, носится в воздухе мельчайшим прахом, попадает в человеческие легкие, проникает в нашу совесть, приглушает, обременяет, отягчает ее, соединяется с душою богачей, которые становятся надменными, и с душою бедняков, которые ожесточаются».

Надпись эту, размытую дождями и стершуюся по милости провидения, к счастью, уже нельзя было прочесть, так как весьма вероятно, что это загадочное и вместе с тем довольно прозрачное рассуждение о золоте, проникающем в легкие, пришлось бы не по вкусу шерифам, провостам, маршалам и прочим носителям париков, стоящим на страже закона. Английское законодательство в ту пору шутить не любило. Быть жестоким считалось в порядке вещей. Беспощадность была исконным свойством судей, а жестокосердие — их второй натурой. Инквизиторы кишмя кишели. Джеффрис¹ породил целое племя себе подобных.

¹ *Джордж Джеффрис* (1645–1689) — английский государственный деятель, судья.

Гюго В.

Г 99 Человек, который смеется : роман / Виктор Гюго ; пер. с фр. Б. Лившица. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2023. — 704 с. : ил. — (Иностранная литература. Большие книги).

ISBN 978-5-389-23511-3

Один из самых знаменитых романов Виктора Гюго «Человек, который смеется», наряду с «Отверженными» и «Собором Парижской Богоматери», безусловно, является одним из шедевров французской литературы XIX века. Кажется, в нем есть все: атмосфера тайны, великолепные страницы, посвященные английской истории, кораблекрушение, ребенок, брошенный при загадочных обстоятельствах, безжалостные разбойники, странный документ, найденный в запечатанной бутылке на морском берегу, слепая красавица, мизантроп-благотель, ручной волк и романтический герой (влияние его образа на искусство последующего времени трудно переоценить, достаточно вспомнить, например, Джокера с его жуткой ухмылкой). Внешность Гуинплена ужасна: «рот, открывающийся до ушей», бесформенный нос и лицо, «на которое нельзя было взглянуть без смеха», однако его жизненный путь, полный невероятных приключений, не оставит равнодушным ни одного читателя.

В настоящем издании роман сопровождается великолепными иллюстрациями французских художников Жоржа Рошгросса и Даниэля Вьерхе.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ВИКТОР ГЮГО
ЧЕЛОВЕК,
КОТОРЫЙ СМЕЕТСЯ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Мария Антипова
Подготовка иллюстраций Дмитрия Кабакова
Корректоры Анастасия Келле-Пелле, Юлия Теплова

Подписано в печать 30.08.2023. Формат издания 60 × 88 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 43,12.
Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге

191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.

www.pareto-print.ru

V-ILN-32463-01-R